

Необходимые уточнения относительно джугафиили

Рецензия на книгу: Орешкин Д.Б. (2019)

Джугафиили и советский статистический эпос. М.: Мысль.

Г.И. ХАНИН*

***Гириш Ицкович Ханин** – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Сибирский институт управления – РАНХиГС при Президенте РФ. Адрес: 630102, Новосибирск, Нижегородская ул., д. 6. E-mail: khaning@yandex.ru

Цитирование: Ханин Г.И. (2020) Необходимые уточнения относительно джугафиили // Мир России. Т. 29. № 3. С. 177–193. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-177-193

Книга Д.Б. Орешкина «Джугафиили и советский статистический эпос» содержит резкую критику появившихся в последние 15–20 лет в российском обществе и среди части ее научной элиты ностальгии по советскому прошлому. Автор противопоставляет ей разоблачение многих сторон советской действительности, опираясь на фальсификацию советскими властями статистики для демонстрации достижений социализма. Особенно впечатляют подсчеты огромных жертв населения в советский период и другие свидетельства материальных и духовных лишений населения в этот период.

В настоящей рецензии содержатся уточнения ряда приводимых в книге оценок по различным периодам дореволюционной, советской и постсоветской экономической истории России. Автор книги идеализирует экономические достижения дореволюционной России, при этом игнорируя усилия В.И. Ленина по упорядочению денежной системы весной 1918 г. и преувеличивая экономические успехи НЭП. Для этого периода, как и последующих, автор не учел значительных ошибок в оценке основных фондов, преуменьшение их стоимости, что приводило к преувеличению их динамики и рентабельности экономики.

Показывается, что постсоветские экономические и политические реформы наряду с достижениями в области политических прав человека и в сфере бытовых услуг привели к стагнации и последующему экономическому кризису, вызванному сокращением основных фондов, и огромной социальной дифференциации.

Приведены расчеты совокупной факторной производительности для дореволюционной экономики, периода НЭП, советского периода и постсоветского периода на основе макроэкономических альтернативных оценок, проведенных автором рецензии.

Ключевые слова: экономика дореволюционной России, экономика СССР, постсоветская экономика России, статистика в СССР, статистика в РФ, демографические потери СССР, новое железнодорожное строительство в дореволюционной России, новое железнодорожное строительство в СССР

Введение

Дмитрий Борисович Орешкин написал очень содержательную и яркую книгу [Орешкин 2019]. Она продиктована его опасениями возврата России к сталинизму, симптомы возврата которого он видит, прежде всего, в ведущейся в последние 15–20 лет массивной пропаганде в СМИ и монографической литературе достоинств советского периода и в восхищении деятельностью Сталина, ностальгии по СССР и самому Сталину. В этом же ряду можно назвать и явные авторитарные тенденции в действиях российской власти, напоминающих ему многие действия советской власти (ползучий сталинизм). Я бы сюда добавил результаты многочисленных опросов общественного мнения в этот период, показывающих положительное отношение большинства населения к советскому периоду и Сталину. Поскольку в глазах автора И.В. Сталин и сталинская эпоха представляют собой страшный период в российской истории и возможность его повторения он считает гибельными для России, Д.Б. Орешкин считает (прошу прощения за повтор) своим гражданским долгом показать ужасные последствия деятельности советской власти, особенно в период жизни Ленина и Сталина (за редким исключением НЭП). При этом особое внимание он уделяет такому позорному явлению, как обман населения лживой статистикой в различных областях жизни, прежде всего в экономике. Многие приводимые им в этой связи факты известны специалистам, но вряд ли – широкой публике, особенно молодежи из-за отвратительного изучения истории в школах и экономической истории в вузах. Поскольку я сам немало сделал для разоблачения чудовищных искажений советской экономической статистики, такая направленность книги вызывает мое сочувствие, как и опасения Д.Б. Орешкина по поводу возврата к сталинизму. Вместе с тем я не могу согласиться и с осуждением им некоторых фактов, равно как и с причинами растущей ностальгии по сталинизму и мерами по ее пресечению.

Книга Д.Б. Орешкина привлекательна не только актуальными и зачастую малоизвестными фактами. Она замечательно написана, ярко и изобретательно, что довольно редко встречается в литературе такого рода. Отмечу серию плакатов сталинского времени с подробным описанием судьбы их авторов. И то и другое характеризует эпоху.

Д.Б. Орешкин, не будучи экономистом по образованию, сумел очень неплохо (лучше многих профессиональных экономистов) разобраться во многих экономических вопросах, что ярко выявилось еще в его статье в журнале «Знамя» в 2004 г. [Орешкин 2004]. В рецензируемой книге Д.Б. Орешкина содержится немало обоснованных экономических соображений и результатов проделанных им статистических расчетов (особо отмечу расчет демографических потерь в период советской власти). Вместе с тем, естественно, он использует обоснованные статистические расчеты других авторов, в том числе и мои. В его книге привлекает внимание

обширность научных интересов автора, огромный изученный им литературный материал по различным периодам и аспектам истории советского общества, знание мировой истории, что особенно ценно в век специализации. Я же остановлюсь преимущественно на более мне знакомых экономических проблемах.

Теперь перейду к вопросам, которые в книге получили, на мой взгляд, неточное освещение.

Дореволюционная российская экономика

Д.Б. Орешкин противопоставляет развитие советской экономики более успешному, по его мнению, развитию дореволюционной российской экономики. «Сильно зашедшие на старте, наша страна в течение двух поколений после либеральных реформ царя-освободителя разбежалась быстрее всех в мире» [Орешкин 2019, с. 265]. Заметьте: после начала либеральных реформ и быстрее всех. Но примеры он приводит только по промышленности и железнодорожному транспорту за отдельные периоды дореволюционного развития, когда российская экономика развивалась особенно быстро [Орешкин 2019, с. 262]. Намного обоснованнее было бы взять весь период после отмены крепостного права и не только по двум отраслям, а по всей экономике. К тому же обязательно следует учесть размер социальной дифференциации для выявления больше всего выигравших от этого роста слоев населения. Анализ динамики и уровня всей экономики России на фоне мировой экономики я проделал в 2013 г., используя наиболее достоверные расчеты западных экономистов и МВФ [Ханин 2013]. Что касается распределения доходов населения за тот же период, то я его исследовал в другой, более ранней статье [Ханин 2010].

Для сопоставления экономического развития России с другими странами мира воспользуюсь самым авторитетным источником – книгой Энгюса Мэддисона «Мировая экономика» [Maddison 2006]. При этом мною взяты для сравнения те страны и регионы, для которых Э. Мэддисон провел сравнение с Россией; из анализа выпали Азия и Африка, которые развивались медленнее других регионов.

В 1870–1913 гг. страны бывшего СССР (практически территориально совпадавшие с Россией) имели среднегодовые темпы 2,4% против 2,1% в Западной Европе, 2,33% в Восточной Европе и 3,92% в 4 заокеанских англоязычных странах (Австралии, Новой Зеландии, Канаде, США). При этом в таких западноевропейских странах, как Австрия, Дания, Финляндия, Германия, Швейцария, отмечались темпы роста выше, чем в России [Maddison 2006, р. 187], т.е. по упомянутым девяти странам темпы роста превышали российские. По расширенному кругу стран более высокие темпы, чем у России, были также в Латинской Америке (3,92%) и Японии (2,44%) [Maddison 2006, р. 126]. Если учесть, что Латинская Америка включала 23 страны, то если исключить Парагвай, переживший в 1870-е гг. тяжелейшую войну, и еще пару государств, число стран с более высокими темпами, чем у России, достигает уже 30. Таким образом, утверждение Д.Б. Орешкина, что Россия в этот период развивалась быстрее всех в мире, оказывается сильно преувеличенным.

Не менее важной проблемой является вопрос об источниках экономического роста, которые делятся, как известно, на интенсивные (за счет лучшего использования ресурсов) и экстенсивные (за счет количества ресурсов), и их соотношение

говорит об относительной эффективности хозяйственных систем. Самое грубое их сопоставление по душевому ВВП, близкому к производительности труда, говорит о том, что впереди России были почти все страны Западной Европы, Венгрия и Чехословакия (по остальным странам Восточной Европы нет статистических данных) и все англоязычные страны [Maddison 2006, p. 186], к ним добавляются Латинская Америка и Япония [Maddison 2006, p. 126]. По этому показателю Россия отставала уже от средних по всему миру [Maddison 2006].

Однако имеется более обобщенный и точный вариант вычислений, включающий и трудовые ресурсы, и основные фонды. Он принадлежит очень авторитетному в этой области российскому экономисту В.А. Мельянцеву, по подсчетам которого в 1885–1900-х гг. доля факторной производительности в России составила 34–37%, в 1900–1913 гг. – 12–13% [Мельянецев 2003, с. 86]. Следовательно, основным фактором экономического роста в России даже в самые благополучный период (1885–1900 гг.) явились экстенсивные факторы, а в 1900–1913 гг. их доля образовывала уже подавляющую часть.

Наконец, о теме, которую Д.Б. Орешкин избегает затрагивать при анализе дореволюционной, советской и постсоветской экономики, – размере социальной дифференциации, свидетельствующей о том, кому доставались плоды экономического роста. По моим подсчетам, в предреволюционный период децильный коэффициент (отношение доходов 10% самых состоятельных и бедных слоев населения) составил 20,1 раза, что было намного больше, чем у отличающихся тогда высокой дифференциацией доходов США и Великобритании при несравненно меньших душевых доходах [Ханин 2010, с. 70–71]. Надо ли в такой ситуации удивляться негативному отношению наименее состоятельной части населения к существующей социально-политической и экономической системе в России?

Д.Б. Орешкин большое внимание уделяет успехам дореволюционной крепостной России в создании огромной сети железных дорог (пусть и со значительным опозданием по сравнению с западными странами), противопоставляя эти успехи намного более медленному советскому периоду железнодорожного строительства [Орешкин 2019, с. 266–268]. Действительно, это было крупнейшим достижением российской экономики, достигнутым, кстати сказать, преимущественно на собственной проектно-изыскательской и промышленной базе в отличие от тяжелой промышленности. Вместе с тем Д.Б. Орешкин идеализирует состояние железных дорог в России в дореволюционный период, хотя при их функционировании (особенно в частном секторе) обнаружилось множество недостатков, вызванных как ошибками в проектировании и размещении, так и крупномасштабными злоупотреблениями персонала, особенно руководства [Елютина 2004], о которых в своих воспоминаниях много писал С.Ю. Витте: недаром большая часть частных железных дорог была национализирована путем выкупа царским правительством.

Серьезным недостатком анализа Д.Б. Орешкиным дореволюционной экономики представляется почти полное отсутствие структурного подхода. По этой причине он не обратил внимания на преобладание в экономике малопродуктивного сельского хозяйства, крайнюю слабость таких высокотехнологических отраслей, как химия и электроэнергетика, многих передовых отраслей машиностроения, крайне низкую грамотность населения, слабость науки. Я здесь не привожу соответствующих цифр, чтобы не перегружать текст, впрочем, они и так хорошо известны.

Экономическая слабость дореволюционной России отчетливо выявилась во время русско-японской и Первой мировой войн. Экономика России с трудом удовлетворяла потребность Вооруженных сил в боеприпасах и вооружении, воинских перевозках; особенно недоставало современных видов оружия – самолетов, танков, тяжелой артиллерии – и сырья для их производства [Лященко 1956, с. 245–249, 611–622]. В период Первой мировой войны царское правительство предпринимало довольно энергичные усилия по преодолению отставания некоторых наиболее слабых с точки зрения ведения военных действий отраслей экономики: отдельных отраслей химической промышленности, производства боеприпасов, электроэнергетики, железнодорожного строительства.

При всех недостатках экономического развития экономики России в предреволюционный период следует отметить, что ее экономический рост не сопровождался таким количеством человеческих жертв, как в сталинский период, и в этом его безусловное достоинство. Возникает справедливый вопрос: неужели в России, чтобы добиться коренных экономических изменений, нельзя обойтись без больших человеческих жертв?

Инфляция в период Гражданской войны

Критику пороков советской экономики Д.Б. Орешкин начинает с развала денежной системы России в период Гражданской войны. Действительно, размеры инфляции в этот период были чудовищными, и он пагубно сказался на развитии экономики, особенно сельского хозяйства и торговли. При этом развал денежного обращения автор трактует как результат сознательной линии В.И. Ленина на ликвидацию денежного обращения, замену его продуктообменом и всеобщую натурализацию экономического обмена [Орешкин 2019, с. 120–122]. Здесь Д.Б. Орешкин сильно упрощает действительность. Весной 1918 г. В.И. Ленин прилагал большие усилия по оздоровлению денежного обращения, встречая сопротивление «левых коммунистов» [Атлас 1969, с. 88–92]. При объяснении причин провала этих усилий важно иметь в виду произошедшие весной – начале лета изменения политической обстановки в Советской России, когда из-под контроля советской власти ушли наиболее важные производственные регионы (Украина, Кубань, часть Поволжья, Сибирь) и районы размещения топливной промышленности (Донбасс, Баку), началась Гражданская война. В этих условиях денежное обращение лишилось материальной основы, и переход к военному коммунизму стал неизбежностью, получив потом и идеологическое оправдание как истинно коммунистический метод ведения хозяйства.

Насколько эффективен был НЭП?

Сталинской экономике Д.Б. Орешкин противопоставляет (наряду с дореволюционным периодом) более успешный, с его точки зрения, период новой экономической политики, для восхваления которого он не жалеет ни слов, ни благоприятных

цифр [Орешкин 2019, с. 134–135]. Особенно справедливо Д.Б. Орешкин восхищается оздоровлением денежного обращения после его краха в предыдущий период, но при этом он забыл упомянуть еще одно огромное достижение НЭП – отсутствие товарного дефицита. Если сюда добавить несколько (по сравнению с предыдущим и последующим периодом) ограниченный уровень политических репрессий, то достоинства НЭП кажутся совершенно очевидными, а его отмена в конце 1920-х гг. выглядит огромной ошибкой и даже преступлением, продиктованным преимущественно чисто политическими причинами удержания власти Сталиным и его окружением. Так считает Д.Б. Орешкин. Так же очень долгое время считал и я, расширяя, однако, круг сторонников отмены НЭП со Сталина и его ближайшего окружения до большей части партии, пока в конце 1980-х гг., в период почти всеобщего восхваления НЭП, не задал себе вопрос: если все было так хорошо, почему закончилось так плохо (отменой НЭП)? Я стал искать экономические причины отмены НЭП, которые изложил в статье «Почему и когда погиб НЭП?», опубликованной в журнале ЭКО № 10 за 1989 г., которая довольно часто цитировалась в последующей литературе о НЭП. Изложу в максимально кратком виде доводы и выводы этой статьи.

Отмечу, что важнейшую роль в моих рассуждениях сыграло устранение искажений в экономической статистике, касающееся этого периода, а Д.Б. Орешкин их относит только к нелюбимому им сталинскому периоду. Так, уровень национального дохода в 1928 г. в сравнении с 1913 г. Д.Б. Орешкин вслед за ЦСУ СССР оценивал выше дореволюционного на 19%, в то время как, по моим подсчетам, он был меньше на 12% [Ханин 2015, с. 249–250]. Соответственно завышались данные и по качественным показателям экономики – производительности труда, фондоотдаче и материалоемкости [Ханин 2015, с. 251]. По моим подсчетам, сделанным специально для настоящей рецензии с предположением о росте занятости по динамике населения на основе данных из статьи о НЭП, совокупная факторная производительность снизилась в 1928 г. по сравнению с дореволюционным уровнем на гигантские 28%. Гигантским по мировым меркам оказался и уровень безработицы – 15% от занятых в несельскохозяйственном секторе экономики; ухудшилось жилищное положение городского населения [Ханин 2015, с. 250]. Но наибольшие искажения касались измерения основных фондов – материальной основы экономики, но об этом важнейшем аспекте статистики Д.Б. Орешкин вообще не упоминает. Между тем для судеб НЭП положение в этой сфере имело решающее значение. По моим расчетам 2015 г., основные производственные фонды выросли по сравнению с уровнем 1913 г. на 13% вместо 30% по официальным данным, и, следовательно, фондоотдача продукции снизилась на огромную величину – 25% [Ханин 2015, с. 251], что никак не говорит об эффективности НЭП.

С середины 1920-х гг. и до настоящего времени главным источником искажений в статистике основных фондов является ошибочное определение их восстановительной (современной) стоимости или вообще пренебрежение ею, заменой ее балансовой стоимостью основных фондов по цене их приобретения разных лет. Это понятие, хорошо знакомое экономистам 1950–1960-х гг., теперь прочно забыто. Между тем от правильного определения восстановительной стоимости основных фондов зависит правильное установление ее динамики и рентабельности производства, коэффициента обновления основных фондов и величины их износа. Без оценки основных фондов по восстановительной стоимости вся финансовая

отчетность предприятий представляет собой груды бесполезных бумаг, поскольку при заниженности основных фондов искусственно умалялась амортизация, и на ту же величину преувеличивалась прибыль, и эта завышенная прибыль при определении рентабельности относилась к заниженным основным фондам.

Когда в 1989 г. я рассчитал отклонение восстановительной стоимости основных фондов от балансовой по ряду отраслей экономики по 1928 г., то вышло ее значительное превышение: так, по городскому жилью она превысила ее почти в 2 раза, по промышленным основным фондам – более чем в 2 раза [Ханин 2015, с. 255–256]. Пересчет объема амортизации в соответствии с этим коэффициентом приводит к тому, что прирост основных фондов в промышленности оказался равным нулю [Ханин 2015, с. 256]¹, вся промышленность становилась убыточной. И если после этого она все же росла 1–2 года, то благодаря только тому, что имелись резервы производственных мощностей в ряде отраслей промышленности, расширенных во время Первой мировой войны, затем должны были последовать прекращение роста и начало снижения объема продукции. Аналогичное положение складывалось на железнодорожном транспорте. Этот вывод подтверждается сопоставлением выбытия и ввода по ряду ключевых видов промышленного оборудования и по количеству паровозов [Ханин 2015, с. 257]. Прекратился в 1928 г. и рост поголовья скота. Одним словом, вырисовывалась перспектива стагнации экономики при росте населения примерно на 2% в год с неизбежным снижением доходов населения на те же 2%.

Становится ясным, что действительно высокие темпы роста в период НЭП объяснялись не его большими достоинствами, а особенностями восстановительного периода при огромной начальной недогрузке оборудования. Отсюда очевидна и ошибочность критики Д.Б. Орешкиным решения Госплана СССР и Высшего совета народного хозяйства, касающегося увеличения капитальных вложений в государственную промышленность в 1925 г. при ничтожной величине в предыдущие годы [Орешкин 2019, с. 138].

При анализе НЭП Д.Б. Орешкин, критикуя советскую статистику, сам оказался в ее плену, сильно преувеличивая эффективность новой экономической политики. Книги И. Ильфа и Е. Петрова, М. Зощенко, написанные в тот период, давали гораздо более правдивую картину, равно как и произведения Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина для характеристики дореволюционной России.

К указанным экономическим причинам отказа от НЭП следует добавить оборонные причины. К концу 1920-х гг. Вооруженные силы СССР находились в жалком состоянии; их численность была в 2 раза ниже, чем в 1913 г.; на вооружении практически не было танков, самолетов, современных кораблей, автомобилей и средств связи. Между тем опасность войны не исчезала, и она диктовалась не только классовыми противоречиями, но и геополитическими. Претендентов на огромную территорию России с ее черноземами и ископаемыми богатствами, равно как и государств с нехваткой жизненного пространства всегда было достаточно. Одним словом, в конце 1920 гг. СССР оказался в критическом положении, и в качестве решения оставался только отказ от социализма, на который партия пойти никак не могла. Следовательно, дело было не в кознях Сталина, а в объективной обстановке.

¹ В тексте я предусмотрительно принял коэффициент превышения, равный 1,5 раза.

Обращусь к «показаниям» объективных и умных свидетелей, независимо от их взглядов. В 1926 г. при своем назначении на должность наркомторга А.И. Микоян встретился с Л.Б. Каменевым и дословно записал следующие высказывания своего предшественника: «Мы идем к катастрофической развязке революции. По всем законам марксизма на девятом году революции не может дело обойтись без глубокого кризиса» [Микоян 1999, с. 279].

Проницательный мыслитель Г.П. Федотов в конце 1920-х гг. констатировал, что «<...> революция загнивает. Или она найдет вождя, который смелой рукой ликвидирует коммунистическое иго, или Россия идет навстречу новым катастрофам». С началом «великого перелома» он писал: «По-видимому, Сталин и Троцкий оказались единственными из стаи Ленина, которые не пожелали “гнить”. Их не прельщало превращение в демократических министров или в национальных героев революционной России. Они одни предпочли бы смерть бесславию термидора» [Федотов 1991, с. 228].

Еще ничего не зная о словах Л.Б. Каменева и Г.П. Федотова, я, исходя из анализа реального положения экономики и общества, в 1989 г. писал: «Принятый в конце 20-х годов курс <...> был еще и актом отчаяния людей, поставленных перед выбором: медленная агония или отчаянная попытка вырваться из отсталости, несмотря на возможные жертвы населения» [Ханин 2015, с. 259].

О чем говорит слабое железнодорожное строительство в СССР?

Заметное место в доказательствах провала советской экономики у Д.Б. Орешкина занимают пространные (на 52 страницах!) рассуждения о слабом железнодорожном строительстве в СССР в противоположность достаточно быстрому в дореволюционной России [Орешкин 2019, с. 266–318]. Он правильно отмечает и невыполнение пятилетних планов по новому железнодорожному строительству; цифры неопровержимы – так и было. Вопрос остается только в объяснении.

Для начала приведу мнение руководства Народного комиссариата путей сообщения, относящееся к довоенному периоду в изложении известного историка транспорта СССР Б.П. Орлова, с которым я полностью согласен, поскольку его высказывание подтверждается фактами: «Успешное освоение перевозок за счет усиления сети породило мнение о большей эффективности усиления существующих линий в сравнении с сооружением новых. <...> За счет технического усиления действующих дорог удавалось в короткие сроки покрывать дополнительный спрос на перевозки, затрачивая при этом мало средств и добиваясь при большом объеме грузооборота низкой себестоимости перевозок, а следовательно, и быстрой окупаемости капитальных вложений, в то время как новостройки, требуя намного больших капитальных затрат, не приносили в сжатые сроки подобного эксплуатационного эффекта и не могли обеспечить высокую рентабельность. К тому же сооружение железных дорог занимало много времени, государство несло большие убытки от омертвления капитальных вложений в этих стройках, от их неоднократной консервации» [Орлов 1963, с. 185–186].

Благодаря ориентации на модернизацию железнодорожного транспорта в противовес новому железнодорожному строительству удалось добиться редкого

для советской экономики преимущественно интенсивного развития железнодорожного транспорта и в довоенный, и в послевоенный период.

Конечно, ограничение нового железнодорожного строительства имело и негативные последствия, о которых подробно пишет Б.П. Орлов, отмечая, что «<...> потребности текущего характера заслонили более отдаленные, но не менее важные нужды развития всей экономики и транспортного хозяйства в целом» [Орлов 1963, с. 186]. Долгое время ведя борьбу за выживание, советское государство, естественно, склонно было жертвовать отдаленными последствиями.

К сказанному следует добавить, что железнодорожный транспорт относился к старому технологическому укладу, достаточно неплохо развитому в дореволюционной России. В то же время имелось много отраслей экономики следующего технологического уклада, которые либо отсутствовали, либо были очень слабо развиты, именно они имели приоритет в развитии и в капитальных вложениях. К ним до войны относились электроэнергетика, многие отрасли цветной металлургии и химической промышленности, машиностроения, того же транспорта (автомобильного и воздушного), механизации сельского хозяйства.

Последнее мое замечание относится к озадачившему Д.Б. Орешкина отсутствию во II томе БСЭ какого-либо упоминания о длине железнодорожной сети СССР и размерах нового железнодорожного строительства в советский период [Орешкин 2019, с. 266]. Д.Б. Орешкин связывает это с желанием скрыть ничтожные размеры этого строительства. Возможно, сокрытие неприятных фактов и было в советских традициях сталинского периода, но могло быть и другое объяснение. Транспорт относился к отраслям, имеющим оборонное значение, о которых старались не сообщать «супостатам». Почти уверен, что в перечне сведений о государственной тайне, запрещенных к публикации, который цитирует Д.Б. Орешкин, были и указания на протяженность железных дорог и размеры нового железнодорожного строительства.

Общие итоги советского экономического развития

Оценивая общие результаты советского экономического развития, Д.Б. Орешкин приводит альтернативные официальной оценке, причем намного сниженные, чем первоначальные фантастические оценки (мои – в 13 раз; новые оценки ЦСУ СССР – в 6 раз) [Орешкин 2019, с. 294]. Следует ли, однако, рост национального дохода за советский период (по моим оценкам, в 6,9 раза) трактовать как свидетельство провала советской экономики? Само собой, нет. Общие результаты были выше, чем у многих даже развитых капиталистических стран за тот же период, не говоря уже о развивающихся странах. Особенно они впечатляют, если учесть огромные материальные потери СССР в период Гражданской и Великой Отечественной войн, колоссальную демографическую убыль в советский период, милитаризацию советской экономики. Следует также принять во внимание значительные прогрессивные структурные сдвиги в экономике в этот период.

О них применительно к довоенному периоду в отношении промышленности и транспорту я писал в предыдущем параграфе. Они продолжались и в послевоенный период, когда были созданы современные электронная и радиоэлектронная

промышленность, атомная энергетика, промышленность пластмасс и искусственных волокон, реактивный пассажирский транспорт, произошла электрификация и теплофикация локомотивного хозяйства. Эти количественные и качественные изменения в производственной сфере обеспечивались большим ростом объема производственных основных фондов (в 9,6 раза за 1929–1987 гг. [Ханин 2015, с. 53]). Но радикальные изменения произошли также в области образования и здравоохранения, науке, образе жизни населения; были обеспечены всеобщая грамотность и качественное естественно-техническое среднее и высшее образование; создано массовое бесплатное здравоохранение, что вместе с другими факторами обеспечило к концу 1960-х гг. продолжительность жизни на уровне капиталистических развитых стран.

Эти изменения обуславливались прежде всего военными соображениями, но касались и гражданской сферы. Была создана и серьезная научная сфера, больше имитирующая западную науку (что тоже непросто), но, с другой стороны, имеющая и определенные собственные крупные достижения (о чем говорят несколько Нобелевских премий и участие наших ученых в престижных научных обществах типа Лондонского королевского). Большая часть населения стала проживать в городах и была обеспечена там современной инфраструктурой, что также требовало капиталовложений. Вместе с тем сохранялись такие позорные явления, как товарный дефицит, низкое качество продукции (особенно потребительской), запущенность сферы услуг и комфорта, высокая материалоемкость и низкая фондоотдача, слабая восприимчивость производства к техническому прогрессу в гражданской экономике. Виной этому были пороки командной экономики, о которых справедливо пишет Д.Б. Орешкин, и потери в человеческом потенциале в советский период. Они были ужасны прежде всего в гуманитарном плане и через много лет продолжали оказывать влияние на экономику, общественную жизнь, науку, в том числе и экономическую.

Другое дело эффективность использования этих достижений в экономике, о чем свидетельствует доля факторной производительности в росте ВВП. Ее расчеты были произведены мною специально для данной статьи на основе альтернативных оценок динамики национального дохода и производственных основных фондов. За 1929–1987 гг. доля совокупной факторной производительности оказалась равной 17%, т.е. на уровне 1885–1913 гг. Однако если вычесть период формирования командной экономики, войны и послевоенного восстановления, она окажется равной 35%, или в 2 раза больше наиболее благоприятного дореволюционного периода, а в 1950-е гг. – даже 62%. Как видим, доля интенсивных факторов была намного выше, чем в дореволюционной России, а в 1950-е гг. даже преобладала. Постепенно их роль стала уменьшаться, что в совокупности с исчерпанием резервов рабочей силы и наиболее доступных сырьевых запасов, чрезмерной милитаризацией экономики (до 25% ВВП), пороками командной экономики и растущими провалами в управлении привело к стагнации экономики в начале 1980-х гг. [Ханин 2015, с. 53].

Авторитарная общественная система была неспособна раскрепостить еще сохраняющийся, не столь большой после потерь предыдущего периода, общественный творческий потенциал. Искореня десятилетиями идеологическую крамолу в общественных науках и в своих собственных рядах, советская власть в ходе перестройки оказалась почти в полной интеллектуальной пустыне. А фальсифици-

руя в те же десятилетия макроэкономическую статистику, сама попала в паутину лжи, затрудняющую обоснованную экономическую политику.

В виду отсутствия в предыдущий период серьезных свободных обсуждений социальных проблем, общество оказалось не готово к выработке позитивных изменений, учитывающих специфики истории России и особенностей ее состояния, структуры хозяйства и качества человеческого потенциала. Отсюда серия поспешных и поверхностных решений, приведших к растущей хаотизации экономики и ее количественной и качественной деградации [Ханин 2009, с. 157–278]. В то же время из всех возможных вариантов проведения реформ был избран, по моему мнению, худший с точки зрения влияния на экономику вариант радикальной экономической реформы [Ханин 2009, с. 279–327].

Постсоветская экономика

В соответствии с названием и основным содержанием книги Д.Б. Орешкин не обязан был освещать постсоветское развитие. Отдам должное его научной честности, он это сделал, правда, его немногочисленные и начисто лишённые цифр оценки разбросаны по разным главам книги. Восполню этот пробел, без которого результаты постсоветского экономического развития не оценить; без этого не удастся объяснить и мучающий Д.Б. Орешкина вопрос о причинах возрождения симпатий к социализму и сталинизму в современной России.

Вот как характеризует постсоветскую экономику Д.Б. Орешкин в самом конце книги: «После мучительного кризиса, выход из которого отчаянно тормозился старой партноменклатурой, экономику все-таки удалось вернуть к праву частной собственности, рынку и конвертируемому рублю. Она начала быстро расти, что совершенно естественно для такой богатой ресурсами страны. Между делом, без пафоса и бубен, прошло несколько технологических революций – от компьютеризации и интернета до банков, высокой автомобилизации, мобильной телефонии и жилищного строительства [Орешкин 2019, с. 464].

Многое в описании Д.Б. Орешкиным хода экономического развития России в постсоветский период вызывает сильное удивление. Неясно, к какому периоду он относит «мучительный кризис», и с какого времени начался быстрый рост. Из контекста следует, что речь идет о 1990-х гг., т.к. о путинском периоде он отзывается резко негативно. Но здесь непонятно, о каком экономическом росте говорит Д.Б. Орешкин. К 1998 г. ВВП России сократился, по моим оценкам, по сравнению с 1991 г. на 33% (по данным Росстата даже больше – на 39,8%) [Ханин 2014, с. 355]. Падение по размерам было намного больше, чем в самые тяжелые экономические кризисы капитализма, и сравнимо с годами Отечественной и Гражданской войн: по моим расчетам, в 2015 г. экономика России по объему ВВП не достигла уровня 1991 г. [Ханин, Фомин 2017]. Действительно, произошли некоторые упоминаемые Д.Б. Орешкиным технологические революции (непонятно, почему в их число попали довольно жалкие российские банки и жилищное строительство и не вошла почти полностью модернизированная розничная торговля), но одновременно произошла намного более значимая технологическая деградация в ряде отраслей промышленности и транспорта вплоть до полного исчезновения некоторых из них [Ханин 2014].

Вне поля зрения Д.Б. Орешкина оказалось огромное (в 2 раза!) сокращение основных фондов по остаточной стоимости в постсоветский период вместо их роста по данным Росстата в 1,5 раза. Лишь частично оно объяснялось изменением структуры экономики в пользу сферы услуг. Значительно по сравнению с 1913 г. снизилась и производительность труда, что объясняется как раз убылью фондовооруженности одного занятого [Ханин 1998, с. 521–538, 624]. Здесь сказался тот факт, что Д.Б. Орешкин, увлекшись разоблачением советской статистики, просмотрел фальсификации в постсоветской статистике. Правда, в 1990-е гг. при определении динамики ВВП их не было, но они оказались очень значительны в определении динамики основных фондов. Это было связано с недооценкой стоимости основных фондов, очень выгодной при их приватизации: она уже в конце 1990-х гг. достигала 7 раз и такой сохранилась до настоящего времени. Такого разрыва не было даже в худшие в этом отношении времена в СССР. А в последующем к обычному в послевоенной советской экономике завышению на 2–3% ежегодно роста ВВП добавилось завышение роста основных фондов и рентабельности. При пересчете рентабельности с учетом восстановительной стоимости основных фондов нам с Д.А. Фоминым удалось установить, что в 2000 и 2010 гг. почти все отрасли промышленности и железнодорожный транспорт оказались убыточными, но тем не менее с них взимались немалые налоги. Так было, скорее всего, и в 1990-е гг., жили же они за счет «проедания» основного и оборотного капитала, накопленного в советский период.

Катастрофическое сокращение уровня жизни населения и основных фондов в 1990-е гг. тем более поразительны, что объективные обстоятельства после распада СССР благоприятствовали росту и того и другого. Я имею в виду колоссальное сокращение военных расходов (с 25% до максимума 2% ВВП), экономическое субсидирование Россией других республик СССР [Ханин, Фомин 2017, с. 73]² и союзников СССР – социалистических и многих развивающихся стран; нужно было очень постараться, чтобы не воспользоваться этими возможностями.

Наиболее трагическим последствием радикальной экономической реформы явилось сокращение реальных доходов населения, о чем Д.Б. Орешкин даже не упоминает. Оно следовало из значительного сокращения ВВП, хотя и отставало вследствие роста доли конечного потребления домашних хозяйств в ВВП (с 41,4% в 1991 г. до 54,6% в 1998 г.), не компенсирующего его снижения, однако это было снижение в среднем по всему населению. Оно трагически усугублялось огромной дифференциацией доходов, которую также не заметил Д.Б. Орешкин. Его обнаружил даже Росстат, определив долю доходов наиболее состоятельной части населения в 32,7% в 1990-е гг. и 47% в 1998 г. [Народное хозяйство СССР 1991, с. 642]³. Однако Росстат значительно преуменьшил размеры дифференциации доходов: по более точным оценкам, децильный коэффициент вместо исчисленного Росстатом для 1995 г. 13,5 раза составил в 2001 г. 34 раза [Российский статистический ежегодник 2003, с. 185]. Разница дат не сильно влияет на результат: основное перераспределение произошло до 1995 г., когда по уровню дифференциации доходов Россия оказалась среди самых неблагополучных стран мира.

² В статье произведен расчет по полной стоимости.

³ По расчетам ИЭ СО РАН, это субсидирование было во много раз больше.

Катастрофическое снижение доходов основной части населения в 1990-е гг. было видно невооруженным взглядом. Достаточно было посмотреть на массу людей, ищущих остатки еды в мусорных баках при обилии роскошных автомобилей и загородных особняков, особенно вокруг Москвы и Санкт-Петербурга. Вдобавок огромные средства выводились за границу (по ряду оценок, за весь постсоветский период – от 1 до 2 трлн долл.). Одно дело, если бы эти богатства образовывались в качестве вознаграждения за умелое предпринимательство, но нет, это преимущественно происходило в результате разворовывания государственной собственности в процессе приватизации и другими путями, а также криминальной деятельности.

В последующем доходы трудового населения заметно выросли (в немалой степени в связи с ростом мировых цен на нефть), но на очень непрочной основе при падении размера основных фондов и человеческого потенциала. Дифференциация же доходов мало изменилась. Не здесь ли следует искать рост симпатий населения к социализму и Сталину? А вовсе не в кознях зловредных ученых и публицистов, как полагает Д.Б. Орешкин. При этом даже нынешний уровень личного потребления обеспечивается преимущественно (помимо высоких цен на нефть) «проеданием» советского физического и человеческого капитала, что, безусловно, не может продолжаться бесконечно.

Сказанное не означает, что я не вижу положительных изменений в экономике постсоветской России по сравнению с советским периодом. Достаточно назвать устранение позорного товарного дефицита, качественное и количественное изменение в сфере бытовых услуг, а в обществе – наличие политических свобод, включая свободу выезда за границу.

Но все эти положительные изменения непрочны, пока они не опираются на рост физического и человеческого капитала. Реальное сокращение ВВП на 10–12% за последние 10 лет – результат не дефицита спроса, как склонны думать большинство российских экономистов, а преимущественно сокращения физического и человеческого капитала.

«Частный случай Г.И. Ханина»⁴

Эта глава книги Д.Б. Орешкина начинается с вписывающейся в его концепцию положительной оценки моих альтернативных расчетов динамики ВВП в СССР, а продолжается критикой моих расчетов макроэкономической динамики РФ. При этом если в первом случае он приводит и данные, и их источники, то во втором случае нет ни того ни другого. При этом не могу пожаловаться: говорит обо мне Д.Б. Орешкин в целом с уважением. Ну, дал маху Ханин со статистикой в постсоветский период, с кем не бывает (это мое выражение). Вот только действительно ли я дал маху?

Впрочем, выясняется, что Д.Б. Орешкина не вполне устраивают мои расчеты и по советскому периоду. Так, он подвергает сомнению мое утверждение о достоверности советских данных о выпуске продукции в натуральном выражении

4 Заголовок взят из книги Д.Б. Орешкина [*Орешкин* 2019, с. 294].

(кроме зерновых), на чем основываются, кстати сказать, и западные расчеты. Если могли врать про зерновые, могли обманывать в других случаях (это мое выражение). Он не видит разницы в том, что по зерновым принимали биологический урожай, а не амбарный. Самое главное, что ложная информация в натуральном выражении полностью дезорганизовала бы весь процесс управления экономикой, что я подробно объяснял в книге «Динамика экономического развития СССР» [Ханин 1991, с. 107–108]. Многочисленные архивные находки постсоветского периода не выявили искажений в выпуске продукции в натуральном выражении. По непонятной причине Д.Б. Орешкин считает, что в основу расчета выпуска продукции промышленности я взял производство электромоторов, хотя я этого не делал [Орешкин 2019, с. 294]. Видимо, он спутал электромоторы с динамикой электропотребления на одного работающего, который я использовал в одном из методов для исчисления динамики производительности труда в промышленности, но не выпуска продукции.

В моих расчетах по постсоветскому периоду ему, кажется, не нравится решительно все. Здесь я должен заметить, что нигде не утверждал, что мои расчеты абсолютно точны, всегда оговаривался об их примерном характере даже для советского периода.

В отношении постсоветского периода Д.Б. Орешкин утверждает, что в виду значительного изменения структуры и характера экономики для постсоветского периода нельзя использовать методы, используемые для советского периода. Если бы Д.Б. Орешкин внимательно изучил мои статьи и книги, посвященные постсоветскому периоду, то он бы обнаружил, что мои альтернативные оценки для этого периода по методологии во многом отличаются от расчетов советского периода. Скорее всего, он их не изучал, отсюда и отсутствие ссылок на них. Предположу, что Д.Б. Орешкина просто возмутило, что «разочарованный экономикой 1990 годов Ханин стал с пиететом высказываться о преимуществах командной экономики сталинского типа – в том случае если эти преимущества используются правильно» [Орешкин 2019, с. 294]. Возможно, он имел в виду, прежде всего, I том моей книги о советской экономике в новейшее время, где положительно оценивалось развитие экономики в 1950-е гг. Но разве я что-то там искажил? Наверняка, он читал некоторые мои статьи с обоснованием неизбежности для предотвращения окончательного развала российской экономики перехода к мобилизационной экономике с неминуемыми (везде писал, к сожалению) политическими изменениями авторитарного характера. Долгое время я действительно не видел другого выхода, и только совсем недавно мы с Д.А. Фоминым нашли другое решение, которое основывается на повышении ресурсов производственной сферы за счет освобождения ее от налогов и субсидирования благодаря перераспределению доходов населения (прежде всего наиболее состоятельной ее части) в пользу производственного накопления [Ханин, Фомин 2019].

Для данной рецензии я специально произвел расчеты доли совокупной факторной производительности в динамике ВВП на основе альтернативных оценок динамики ВВП и основных фондов для постсоветского периода. Оказалось, что в целом за 1992–2015 гг. она составила минус 10%, в том числе за 1992–1998 гг. – минус 16% – намного хуже, чем в период формирования командной экономики в 1929–1941 гг. (минус 7%). И где же здесь преимущества рыночной экономики по сравнению с командной?

Литература

- Атлас З.В. (1969) Социалистическая денежная система. М.: Финансы.
- Елютина О.И. (2004) «Золотой век» железнодорожного строительства в России и его последствия // Вопросы истории. № 2. С. 47–57.
- Лященко П.И. (1956) История народного хозяйства СССР. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Мельянцева В.А. (2003) Россия за три века: экономический рост в мировом контексте // Общественные науки и современность. № 5. С. 84–95.
- Микоян А.И. (1999) Так было. М.: Вагриус.
- Народное хозяйство СССР в 1990 году. Статистический ежегодник (1991). М.
- Орешкин Д.Б. (2004) Деньги, биг мак, социальная справедливость // Знамя. № 12. С. 117–139.
- Орешкин Д.Б. (2019) Джугофилья и советский статистический эпос. М.: Мысль.
- Орлов Б.П. (1963) Развитие транспорта СССР Историко-экономический очерк. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Российский статистический ежегодник 2002 (2003). М.: Росстат.
- Федотов Г.П. (1991) Судьба и грехи России. Т. 1. СПб.: София.
- Ханин Г.И. (1991) Динамика экономического развития СССР. Новосибирск.
- Ханин Г.И. (2009) Экономическая история России в новейшее время. Т. 2. Новосибирск.
- Ханин Г.И. (2010) Какова была социальная дифференциация в дореволюционной России // Идеи и идеалы. № 2. С. 64–72.
- Ханин Г.И. (2013) Дореволюционная российская экономика на фоне мировой экономики (1861–1913) // Альтернативы. № 4. С. 64–72.
- Ханин Г.И. (2014) Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 годы. Новосибирск.
- Ханин Г.И. (2015) Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. Новосибирск.
- Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2017) Постсоветское общество и российская макроэкономическая статистика // Мир России. № 2. С. 62–81.
- Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2019) Институциональные, финансовые и инвестиционные предпосылки возрождения российской промышленности // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 11. № 1. С. 155–175.
- Maddison A. (2006) *The World Economy*, Paris: The OECD Development Centre.

A Necessary Clarification Regarding “Stalinphilia”

Book Review: Oreshkin D.B. (2019) *Stalinphilia and the Soviet Statistical Epic*, Moscow: Misl’ (in Russian).

G. KHANIN*

***Girsch Khanin** – DSc in Economics, Leading Researcher, the Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 6, Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russian Federation. E-mail: khaning@yandex.ru

Citation: Khanin G. (2020) A Necessary Clarification Regarding “Stalinphilia”. *Mir Rossii*, vol. 29, no 3, pp. 177–193 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-177-193

Abstract

This book contains severe criticism of the nostalgia for the Soviet past that has become popular in the last 15–20 years in Russian society, including its scientific elite. The author contrasts it with an exposition of many aspects of Soviet reality. He especially relies on the falsification of statistics by the Soviet authorities to demonstrate the achievements of socialism. Especially impressive are the calculations of the large number of victims in the Soviet period and other evidence of the material and spiritual deprivation of the people in this period.

This review contains clarifications of some of the estimates provided in the book of various periods of the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet economic history of Russia. In particular, it shows that the economic achievements of pre-revolutionary Russia are somewhat idealized. Lenin's efforts to regulate the monetary system in the spring of 1918 have also been ignored. There is some overestimation of the economic achievements during NEP. For most periods, the author did not take into account the significant errors in the valuation of capital funds, understating their value, leading to exaggerated dynamics and profitability estimates. I also show that the slow pace of railway construction in the USSR does not necessarily indicate the slow development of the Soviet economy. The author further understates some accomplishments of the USSR in the economy and in a number of other areas of life.

Key words: the economy of pre-revolutionary Russia, the Soviet economy, the post-Soviet economy of Russia, statistics in the USSR, statistics in Russia, demographic losses in the USSR, new railway construction in pre-revolutionary Russia, new railway construction in the USSR

References

- Atlas Z.V. (1969) *Sotsialisticheskaya denezhnaya sistema* [The Socialist Monetary System], Moscow: Finansy.
- Elyutina O.I. (2004) «Zolotoj vek» zheleznodorozhnogo stroitel'stva v Rossii i ego posledstviya [“Golden Age” of Railway Construction in Russia and Its Consequences]. *Voprosy istorii*, no 2, p. 47–57.
- Fedotov G.P. (1991) *Sud'ba i grekhi Rossii*. T. 1 [The Fate and Sins of Russia. Vol. 1], Saint Petersburg: Sofiya.
- Khanin G.I. (1991) *Dinamika ekonomicheskogo razvitiya SSSR* [Dynamics of Economic Development in the USSR], Novosibirsk.
- Khanin G.I. (2009) *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v novejshee vremya*. T. 2 [Economic History of Russia in Modern Times. Vol. 2], Novosibirsk.
- Khanin G.I. (2010) Kakova byla sotsial'naya differentsiatsiya v dorevoljucionnoj Rossii [What Was the Social Differentiation in Pre-revolutionary Russia]. *Ideas and Ideals*, no 2, pp. 64–72.
- Khanin G.I. (2013) Dorevoljucionnaya rossijskaya ekonomika na fone mirovoj ekonomiki (1861–1913) [Pre-revolutionary Russian Economy on the Background of the World Economy (1861–1913)]. *Alternativy*, no 4, pp. 64–72.

- Khanin G.I. (2014) *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v novejshee vremya. Rossijskaya ekonomika v 1992–1998 gody* [Economic History of Russia in Modern Times. Russian Economy in 1992–1998], Novosibirsk.
- Khanin G.I. (2015) *Ekonomika i obshchestvo Rossii: retrospektiva i perspektiva. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh*. T. 1 [Russian Economy and Society: A Retrospective and Perspective. Selected Works in Two Volumes. Vol. 1], Novosibirsk.
- Khanin G.I., Fomin D.A. (2017) Postsovetskoe obshchestvo i rossijskaya makroekonomicheskaya statistika [Post-Soviet Society and Russia’s Macroeconomic Statistics]. *Mir Rossii*, no 2, pp. 62–81.
- Khanin G.I., Fomin D.A. (2019) InstitutSIONal’nye, finansovye i investitsionnye predposylki vozrozhdeniya rossijskoj promyshlennosti [Institutional, Financial and Investment Prerequisites for the Revival of Russian Industry]. *Journal of Institutional Studies*, vol. 11, no 1, pp. 155–175.
- Lyashchenko P.I. (1956) *Istoriya narodnogo khozyajstva SSSR*. T. 2 [History of National Economy of the USSR. Vol. 2], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo politicheskoy literatury.
- Maddison A. (2006) *The World Economy*, Paris: The OECD Development Centre.
- Melyantsev V.A. (2003) Rossiya za tri veka: ekonomicheskij rost v mirovom kontekste [Russia in Three Centuries: Economic Growth in the Global Context]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no 5, pp. 84–95.
- Mikoyan A.I. (1999) *Tak bylo* [Reflections on the Past], Moscow: Vagrius.
- Narodnoe khozyajstvo SSSR v 1990 godu. Statisticheskij ezhegodnik* [National Economy of the USSR in 1990. Statistical Yearbook] (1991), Moscow.
- Oreshkin D.B. (2004) Den’gi, big mak, sotsial’naya spravedlivost’ [Money, Big Mac, Social Justice]. *Znamya*, no 12, pp. 117–139.
- Oreshkin D.B. (2019) *Dzhugofiliya i sovetskij statisticheskij epos* [Stalinphilia and the Soviet Statistical Epic], Moscow: Misl’.
- Orlov B.P. (1963) *Razvitie transporta SSSR Istoriko-ekonomicheskij ocherk* [Development of Transport in the USSR. Historical and Economic Essay], Moscow: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR.
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 2002* [Russian Statistical Yearbook 2002] (2003), Moscow: Rosstat.